

ПОЗИТИВ

Как я ходил на выставку Зураба Константиновича Церетели

«Московский художник» уже писал об открытии 27 февраля персональной выставки президента Российской Академии художеств Зураба Константиновича Церетели в Центральном Выставочном зале Москвы «Манеж». Выставка эта – несомненное событие в художественной жизни столицы. Неудивительно, что на нее появилось много откликов. Помещая один из них на своих страницах, «Московский художник» продолжает разговор о значительных явлениях в нашем искусстве, о роли художника в обществе.

Зачем люди ходят на выставки? Любители искусства ходят на выставки, чтобы получить удовольствие, чтобы радоваться. За эмоциями ходят. Кто-то расширяет кругозор. Я шел на персональную выставку Зураба Константиновича Церетели удовлетворять свое любопытство. В современных отечественных реалиях президент Российской Академии художеств – это по должности Первый Художник Страны. И надо такое видеть, просто

чтобы быть в курсе, куда мы идем. Шел удовлетворять любопытство, а получил заряд положительных эмоций. Рассказываю, каких.

В небольшом кинозале, что почти у входа, крутили кино про Зураба Константиновича (кино я смотреть не стал, это не по моей части). Началось все со стоящего в самом начале экспозиции Пиросмани. Милого такого. Наивного. Абсолютно незащитного бронзового Нико Пиросмани. Чело-

веческого, совсем не монументального. Наверное, из-за этого первого впечатления так получилось, что я прошел на этой выставке мимо большого – масштабного, официального художника Церетели (два памятника меня по настоящему тронули за живое, но о них – под конец). Потому что я увидел Церетели – лирика. И это оказалось для меня сюрпризом. Приятным. Радостным сюрпризом.

Продолжение на стр. 2

«Позитив». Начало на стр. 1

Дело в том, что жанровая лирика Зураба Церетели приобретает некое новое качество, когда ее много. Независимо от техники – даже лучше, когда она сосуществует и в виде живописи, и в виде скульптуры, и в эмали, и в графике. Автор не случайно работает сериями – «Горожане», «Иерусалим», «Тифлисы», «Листы из альбома». Когда одно-двухфигурные композиции собираются в большие компании, начинается какая-то их самостоятельная жизнь. Мотив из мелкой пластики обнаруживается еще раз в эмали («Искушение», «Табора»), где-то большая скульптура отражается в живописной работе («Продавец хвороста»). Фак-

тически именно жанровые работы организуют общую ткань этой экспозиции, делают ее теплой, придают ей человеческий масштаб.

Всегда удивлялся, почему Церетели в общественном сознании прежде всего – скульптор. Как-то обидно за его живопись делается, потому что так бесстрашно относиться к цвету сейчас мало кто может. Видел эту живопись неоднократно, но в таком количестве – впервые. Бывают случаи, когда много одного автора сразу – трудно воспринимать, здесь – легко и с удовольствием. Букеты у Зураба Константиновича получаются изумительно, портреты (отмечу особо уже виденную раньше картину «С бурдюком в гости»). Иерусалим-

ская серия (живописная и скульптурная одновременно) – чудный пример того, как можно говорить об общественных значимых вещах серьезно, но с улыбкой. Испанская – «Коррида» – такая жареная солнцем. Жарко. И очень жалко быка, если честно. Трогательный он такой...

Объемные эмали, возможно, самая органичная техника для живописи Церетели, очень лаконичные, на локальных цветах. К ним, как раз, относится ранее сделанное замечание о том, что они приобретают другое качество в группе, лучше всего их смотреть именно так. Трудно выделить какие-то отдельные работы, интересного много (мне очень понравился «Лучший сапожник Поликарп», но

это дело сугубо личное).

Если говорить о скульптуре, то скажу честно – я первый раз увидел мелкую пластику Церетели. Если коротко охарактеризовать ее язык, то это продолжение того, что есть в его живописи – лаконизм крупных выразительных форм. Разбросанные по всему пространству выставки группы «Горожан» – камерного размера и больших оказались для меня вместе с такой же пластики жанровыми рельефами главным открытием выставки. Жанровые работы Церетели иногда смешные (даже хулиганские, как «Дежурный по городу – Лужков»), чаще трогательные и лиричные

(«Никанор», «Продавец хвороста», «Близнецы из Цинандали и Пицунды»). Лаконизм таких скульптур есть следствие концентрации автора на какой-то одной главной черте, эмоции. Второстепенные черты приносятся в жертву общей выразительности. В общем-то, эта знаковость – свойство монументального искусства, а умение сохранить свежесть восприятия, делая знак, дорогого стоит. Большие экстерьерные вещи можно и нужно лепить так. Поэтому очень жалко, что современной монументальной скульптуре приходится учитывать любовь нашего официоза к глянцево-му натурализму а-ля Антокольский. К счастью, Зураб Константинович может позволить себе на это не оглядываться. Я имею в виду, во-первых, памятник жертвам холокоста в Одессе. Очень сильная вещь, прежде всего «режиссерски», задумкой и мизансценой. Очень страшная, даже выставленная в зале, вне сре-

ды, для которой делалась, – но ведь такой памятник и не должен успокаивать. И памятник Де Голлю в Москве, у гостиницы «Космос». На мой взгляд, это лучший из московских памятников последнего времени. Прямая спина и офицерская выправка нескладного и великого человека. Очень простой и очень человеческий памятник. Тем и подкупает, особенно на фоне принятой у нас пустопорожней барочности памятников, про которые надо долго объяснять, что же автор имел в виду.

Подводя итог, можно вот что сказать. Зураб Константинович сумел каким-то непостижимым образом сохранить ценнейшее для творческого

человека качество – свежесть и непосредственность восприятия, которую теряют многие художники далеко не столь обремененные ответственным положением и обязанностями перед обществом. Да, он живой человек, не все его работы равно хороши. Но творческие удачи у него были, есть и будут. И, кроме того, именно Зураб Константинович сделал в недавнее смутное время больше всех для поддержания статуса художника в нашем обществе. И до сих пор не дает упасть престижу профессии. В том числе – и этой выставкой в Манеже. Поэтому – дважды Вам спасибо, господин президент.

Алексей Якименко

